

Альберт Иванов

Билет туда и обратно

Часть сборника
Деревянный хлеб (сборник)

Альберт Иванов

Билет туда и обратно

«Автор»

Иванов А. А.

Билет туда и обратно / А. А. Иванов — «Автор»,

Рассказ посвящен послевоенным годам, взрослению подростков в это трудное время, когда перед ними со всей остротой встали вопросы морального выбора.

© Иванов А. А.

© Автор

Альберт Иванов

Билет туда и обратно

Рассказ

Теперь Виталий жил в Москве. В той самой, куда раньше ходил из его подмосковного городка знаменитый «Литер». Почему так назывался поезд, Виталий и сейчас не знал, хотя и окончил университет. «Литер» отправлялся в столицу два или три раза, или один раз в день. Пассажиры собирались за час до отправления, как приходят в кинотеатр задолго до сеанса потолкаться в фойе, встретить знакомых, постоять в очереди буфета.

Тогда не было электровозов, как сейчас, покрытых обтекаемыми листами. Паровоз устрашал своей голой анатомией: стальными суставами и мышцами, венами трубок, могучим клочкотаньем железного пуза в пупках заклепок, мощным дыханием, черным дымом, искрами, хулиганскими свистками и громким криком. В паровозе было что-то восторженное. Вагоны же выглядели наивными: маленькие деревянные домики на колесах, они снялись с места, испуганно едут куда-то, у них такое выражение, словно они жалеют и хотят вернуться. Над крышами – коротенькие трубы вентиляции с железными шляпками – игрушечные башенки, поставленные рядком, и вагонные фонари – тоже наивные, такие носили гномы в руке, только вместо тусклой лампочки за стеклом у них были яркие свечи. И, наверное, поэтому пузатые паровозы всегда вели вагончики этак снисходительно, точно мама-утка своих утят.

Когда «Литер», крича, подходил к станции, Виталий пугался и затыкал уши. Он прятался за чумазыми акациями и с жутким восхищением глядел на яростный паровоз, закрывающий полнеба. Паровоз пил воду, отдувался, пассажиры брали вагончики на abordаж, паровоз сердито пыхтел, потому что любил бегать, а не стоять. Виталику казалось, что паровозу гораздо интересней гонять без пассажиров, с пустыми вагонами.

...Теперь у Виталия был сын. Пятилетний Вовка не боялся электровозов, их даже кошки не боялись. Бездомный кот гулял по перрону и всего на метр отошел от края, когда прибыла электричка. Они сошли на станции, и Вовка сказала:

– Я метро боюсь, там на меня выскакивает и шумит! – Он обычно затыкал уши в метро.

Станция очень изменилась, все новое. Этот провинциальный модерн кольнул Виталия, и он порадовался, что вырвался в большой мир Москвы с работой в газете и двухкомнатной квартирой в лучшем месте от центра.

У ворот станции торговали орехами. Виталий купил Вовке стакан и ссыпал себе в карман, потому что в карманчик сына орехи не вместились. Виталий вспомнил, как ходил с дядей Мишкой в Шиловский лес, как нагибал высокие и прямые удочки орешника, покрытые пышными кустиками листьев. Орехи прятались в зубчатых шероховатых гнездах. Когда из них выжимаешь зубами твердый плод, кисло, как от щавеля, становится во рту.

Дядя Мишка собирал орехи в мешок, ковылял на протезе по буеракам и волочил мешок по земле; однажды мешок с орехами вытрясли у них лесники, они дежурили на дороге при выходе из леса и говорили, что им «дадены» такие права. Дядя Мишка ругался, кричал, что на фронте воевал, но люди из лесничества были неумолимы. То ли они обманывали и забирали себе, то ли им спустили сверху невыполнимый план по сбору – неизвестно.

– Я здесь родился, – сказал Виталий сыну.

– В этом доме? – показал Вовка.

– Нет, в городе.

– А почему не в Москве? – Вовка считал, что все родились в Москве, раз он там родился.

– Не знаю, – засмеялся Виталий.

В город по-прежнему вела булыжная дорога вдоль железнодорожных путей, за ними тянулись строгие заборы складов, а за складами вспыхивала на солнце Ока. Она текла мимо песчаного берега, заросшего ивняком; посередине реки работал ковшами земснаряд, издали похожий на огромную гусеницу.

– А почему на камне буквы? – зорко высмотрел сын.

Виталий любил разбивать камни: что там внутри? Камни изъедены внутри ржой впадин, как червивые яблоки, но чистые срезы сочно сверкают кристаллами. Самые крупные притаились поглубже, внутри, разожгли в них свои крошечные, бездымные костры, а отбей ножом, они матово гаснут и превращаются в обычный крупный песок. Только когда они спаяны вместе, их пронизывает внутренний свет, потому что лучи солнца не могут пройти камень насквозь и возвращаются назад сотнями искр...

Почему на камне буквы?.. На булыгах мостовой встречались странные буквы, римские цифры, загадочные даты. Мальчишки с Виталием выворачивали эти камни в поисках клада и ничего не находили. Надо всего лишь навсего вырасти, чтобы понять: дорогу мостили и могильными камнями. Недаром центральный парк города имел в народе такое странное название «ЖИМ» – живых и мертвых; там раньше было кладбище».

Другое кладбище простиралось неподалеку от станции, оно было разбито на кварталы, квадраты и ряды. В 25-м квартале, 3-м квадрате, во 2-м ряду за ржавой изгородью покоились бабушка и мать Виталия. Отец умер гораздо раньше, еще в сорок седьмом. Виталий был тогда у отчима в Германии, пришло известие, и мать ничего не сказала. Отец похоронен где-то на этом же кладбище, но узнать не у кого, в списках не значится, а отчим, военный инженер, живет на Урале с другой женой.

На кресте бабушкиной могилы, мамы дяди Мишки, висел большой блестящий елочный шарик. Виталий заплакал, Вовка насупися. Они отогнули проволоку на дверце загородки и начали вырывать густой бурьян...

– Надо было бабушкам цветы купить, – строго заметил Вовка.

– Забыл, – виновато ответил Виталий. Нет у него больше никого, кроме жены и маленького Вовки. И еще дяди Мишки, который до сих пор живет на другом конце города в Доме инвалидов № 1. Дядя Мишка постоянно присылает на праздники неграмотные открытки, и этот елочный шарик повесил наверняка он.

Они завинтили проволоку на дверце и пошли к выходу, пробираясь по узким тропкам. На многих могилах лежали красные яблоки, одно яблоко было надето на пику загородки.

– А почему яблоки? – Вовка остановился возле новенького обелиска и потянул Виталия за руку.

На обелиске висела доска, золотая надпись сообщала, что парню было двадцать лет, он «погиб при исполнении служебных обязанностей на острове Даманском». Рядом на прутьях решетки – еще одна доска со стихами о том, как он хорошо учился в школе, как его любили друзья, как пошел в пограничники... Их написала мать погибшего.

Возле входа на кладбище стояли две старушки в черных платочках, Виталий wygrеб из кармана мелочь.

– За помин души... – зачастили старушки, крестясь. – Кого помянуть?

– Бабушек и пограничника, – жалостно сказал Вовка, увидел бабочку и погнался за ней.

– Почему яблоки везде?.. – спросил Виталий.

– Яблочный Спас, – сказали старушки. – Птичкам поклевать.

Виталий и Вовка шли в город, Вовка держал за крыло белую бабочку, она билась, он выпустил ее, бабочка полетела над самой землей, на пальцах у Вовки осталась меловая пыльца.

– Ты вон там родился? – спросил Вовка.

Далеко, в поле, зашли белые пятиэтажные домики, от них тянулись к зелени города тонкие бетонные столбы, похожие на карандаши, вероятно, троллейбусная линия.

– Там раньше свалка была, – сказал Виталий.

Виталий и дядя Мишка целыми днями «промышляли» на свалках. Тогда пищевых отходов не было – ни прокисших каш, ни огрызков хлеба, ни шмотьев желтой капусты, ни картофельных очисток. Свалки были другие... Среди обрезков резины и ржавого железа попадались матовые, мягкие на зуб, обрывки свинцового кабеля, латунные, в плешинах копоти, крышки кастрюль, податливая оловянная проволока, громко свистящие патронные гильзы с оспинкой от бойка на капсюле, медные многожильные провода в черной обмотке – тесно подогнанные на срезе золотистые точки, и много всего подходящего. Железом не баловались, железо надо сдавать в утиль машинами, чтоб получить. А цветные металлы – ценность, их на спине донести можно, и за них дают!.. Бывали и попутные находки, для себя: щербатые вилки, сточенные почти до самой спинки ножи, клещи с разинутой пастью – намертво винт заело, медицинские скальпели, шестерни, непонятные детали – ума не дашь!.. И подшипники!

Подшипники куда хочешь годятся: и на самокат, и просто так – выбить шарики из обоймы, а потом в руке носить или в кармане – приятно.

Кладоискатели, первопроходцы! Где ты прошел, другим делать нечего.

– Ищи, ищи, авось чего и найдешь – как же! – говорил дядя Мишка.

Свалки были разные: городские, дворовые, овражные, заводские, «развалюхи» – в развалинах, загородные... Городские – те всем известны, дворовые – и подавно, возле предприятий – каждый день новенькое, дежурить надо, а высыпят, кидайся всем скопом: кто что захватит; овражные – туда отовсюду свозят, только рыться долго, объем работ большой, валят с машин вместе с редкостями землю и камень; в развалинах – много всего, достать трудно, – из стен провода хорошие торчат, из груд битого кирпича, точно маленькие удавы, высовывают свои обрубки свинцовые кабели; а вот загородные свалки – лучше всего! – но тележка нужна. Километров пятнадцать от города.

– Вон там, Вовка, самолетная свалка была! – Виталий поднял сына и посадил на плечо. – Вон там, на горизонте...

Самая замечательная свалка – самолетная!.. Бесчисленная стая хищных птиц с переломанными крыльями, продырявленными головами, отсеченными хвостами, перебитыми лапами... Они прочерчены дырками очередей, отверстия – гладкие снаружи, как горлышко гожей бутылки, и зазубренные изнутри, будто вскрытая консервная банка. Самолеты стояли, лежали, сидели – угрюмые, злые, тоскливые... И лишь один, отбившийся от стаи, уныло распластался на земле поодаль от всех, не в силах проползти к своим какую-то сотню метров.

Самолеты оживали, когда налетал ветер, они звенели, гремели, качали пропеллерами...

Виталик залезал на спину самолета, глядел на африканские копы пропеллеров, поднятые над стаей, и ему слышалось, как нарастает зуд моторов, сначала одного, затем подхватывали другие одиночки, и вот начинала кричать вся стая, пытаясь подняться в воздух, но земля уже не могла оттолкнуть их от себя, они срослись с нею, словно пустили корни. И лишь иногда какой-нибудь полуразобранный «кукурузник», более легкий на подъем, чем массивные бомбардировщики, вдруг заваливался на бок, как сухостойное дерево.

Все часы, компасы и другие хитрые приборы давно сняты, вырезан плексиглас – и редко у кого из мальчишек нет в сарае завала самолетных частей. По краям стаи самолеты уже ободраны, и ветер позванивает ключьями обшивки. А там, в глубине стаи, стучали молотки – листы дюралю с металлическим всхлипом падали наземь. И потом двигались, точно сами собой, в город; листы огромные, и мальчишек за ними не видно. Повизгивали тележки, из-под колес бежала сухая пыль. Тянулось это с утра до вечера, и стая молча смотрела вслед. Но когда темнело, пусто становилось вокруг, мальчишки сматывались по домам – здесь было страшней, чем на кладбище. Виталий и дядя Мишка поспешно толкали тележку, нагруженную дюралем, Виталий оглядывался, и если видел вдали над полем огонек пролетающего самолета, то почему-то верилось, что кому-то из стаи удалось уйти. В кабине, в черной паутине арматуры, свистит

ночной мрак, штурвалы держат неведомый курс, покачиваются израненные крылья, опираясь на плотный несущийся воздух, а к утру самолет возвращается назад и становится бок о бок с товарищами, потому что нельзя навсегда уйти из стаи.

– Тебя мальчишки любили? – спросил Вовка отца.

«Нет, никто не любил меня, Вовка, кроме двух кривоногих пацанов Ануровых... Два брата акробата», – как он их называл. Они жили здесь на бугре.

Тут, на месте этого типового универмага, раньше стояла огромная церковь. Когда-то отец Ануровых был священником, а сразу после войны стал бригадиром «копачей» на кладбище, так как не мог устроиться по специальности. Все церкви в городе были разрушены во время войны и после, уцелела только одна, где он и жил в полуподвале. В церкви помещался склад: мешки с пшеницей, кучи семечек на полу и всякие пустые ящики по углам. Пасмурный зал церкви пересекали солнечные лучи, похожие на длинные столбы прожекторов, в их свете металась, безуспешно пытаясь вывернуться, ослепленные пылинки. Высокие окна за железными виньетками решеток не были застеклены, с улицы всегда тянуло прохладой, и здесь, даже в безветренные солнечные дни, гуляли юркие сквозняки. Большой купол церкви висел так высоко, что чудилось – облака плывут сквозь его обнаженный деревянный скелет. Снаружи каменные карнизы поросли травой, а из-за погнутого креста, позванивающего обрывками цепей, выглядывало тонкое деревце, летом оно оживало, а осенью, как и положено, пускало желтые самолетики листьев по ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.